

Оглавление

От автора.....	7
Пролог.....	10

Часть первая ДЕМБЕЛЬ

Глава 1.....	20
Глава 2.....	27
Глава 3.....	41
Глава 4.....	54
Глава 5.....	65
Глава 6.....	69
Глава 7.....	74
Глава 8.....	99
Глава 9.....	105

Часть вторая ДОМА

Глава 1.....	122
Глава 2.....	156
Глава 3.....	181
Глава 4.....	196
Глава 5.....	208
Глава 6.....	235
Глава 7.....	244

Глава 8.....	250
Глава 9.....	263
Глава 10.....	267
Глава 11.....	278
Глава 12.....	280
Глава 13.....	290
Глава 14.....	297
Глава 15.....	318
Глава 16.....	336

Молодёжи 90-х посвящаю.

ОТ АВТОРА

«Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Так или примерно так звучит китайское проклятие, и вроде бы его сконструировал сам Конфуций. По крайней мере так нам преподносят с умным видом люди, снедаемые желанием блеснуть эрудицией, а проще говоря, повыпендриваться. Но самое смешное, что они, скорее всего, правы. Конфуций просто так болтать не стал бы.

Испытания, выпавшие на долю многострадальных народов Российской империи и её наследника — Советского Союза, кроме как проклятием и происками Врага объяснить сложно. Три революции, два путча, мировые войны, гражданская... За неполных сто лет — это чересчур даже для такого устойчивого мира, как русский. По мнению автора, объяснение тому, что произошло с огромной многонациональной цивилизацией, а это ни много ни мало катастрофа глобального характера, повлиявшая на весь дальнейший миропорядок, даёт понимание того, что народ, населявший одну шестую часть земного шара, накануне своей гибели пережил удивительное состояние покоя и благоденствия («коммунизм, который мы не заметили», как пишут некоторые исследователи), пришедшиеся на 1970-е — начало 1980-х, и был доверчив и беззащитен как ребёнок перед лицом опасности, подобно грозовой туче, нависшей над ним.

Да, СССР не был идеален, и он требовал обновления, некоторые его догмы и постулаты обветшали в своей монументальности и нуждались в реформировании, как и всё со временем в этом мире. Но вместо разумного ремонта и реконструкции уникальное здание — плод величайшего эксперимента в истории человечества — пошло под снос (уж больно многим оно мешало), навсегда похоронив под своими развалинами мечты о справедливости и оставив миллионы людей без крова, без пищи, без надежды...

О тех событиях написано немало книг и снято не меньше фильмов. Мемуары, беллетристика, научные исследования... Все они отражают взгляд их создателей через призму собственного видения и оценки событий, происходивших на переломе веков. Данная работа — это ещё одна попытка посмотреть на дела давно минувших дней с высоты прожитых лет глазами очевидца, одного из многих «сделанных в СССР», чьи юность, молодость, стадия становления пришлось на те лихие времена, когда старое объявлялось отринутым, выброшенным на помойку истории, а новое маячило где-то вдали призрачным силуэтом, и было не понять, что это такое и как до него добраться.

Главный герой повествования — Саня Иванов — типичный представитель «двора» постсоветской эпохи, выросший на окраине небольшого горняцкого городка где-то в средней полосе России и впитавший в себя все «прелести» улицы, её традиции и нравы. По её нормам морали он, как и миллионы таких же мальчишек той поры, живёт и развивается, они дают ему силы выстоять в борьбе за место под солнцем, но жизнь вносит свои коррективы, зачастую ставя юношу, словно витязя с камнем из былин, перед выбором. По какому пути идти ему дальше, в какую сторону повернуть?

На эти и другие вопросы герою приходится отвечать, опираясь на уроки, преподанные ему окружением. В конце концов, Сашка, ведь на то он и Иванов, разматывает сложный клубок жизненных нитей, найдёт себя в запутанном лабиринте и выберет путь. Тот самый, единственный, предназначенный только ему.

Это рассказ о том самом «парне с нашего двора», и я думаю, что многие читатели узнают в нём себя или соседа, двоюродного брата... Какие-то приключения, пережитые нашим героем, покажутся вам знакомыми или и вовсе что-то похожее случилось и с вами... Кого-то повествование вернёт на тридцать лет назад, туда, где мы были молоды и здоровы, родители всегда были рядом и весь мир лежал у наших ног, умоляя, чтобы его подняли, а кто-то с недоумением будет вертеть томик в руках, пытаясь понять, каково это — кормить семью, не имея дохода по полгода.

Суровые то были времена, страшные в своей непредсказуемости.

«Эпоха перемен». Конфуций врать не будет. Не тот это мужчина. Но в той эпохе осталась наша молодость, и она была как всегда прекрасна.

Желаю всем приятного прочтения.

С уважением, Александр Юдин

Пролог

Шёл третий день Вахты. Третий день мы топтали сапогами и берцами многострадальную землю Смоленщины, обильно политую солдатской кровушкой в годы войны. Теперь, когда люди покинули обжитые места не в силах восстановить порушенное, она лежала перед нами заросшая и неухоженная. словно космы старухи, стелились по ней, местами сбиваясь в комки, стебли прошлогодней травы. Сельское хозяйство в этих местах давно умерло, не выдержав авантюрных экспериментов младореформаторов. И пахотные угодья, любовно возделываемые многими поколениями смолян, теперь стояли брошенными, зарастая бурьяном и подлеском.

Сотни энтузиастов, приехавших в эти места, чтобы отыскать и поднять из земли останки воинов, лежащих на своих последних рубежах, поставили свои палатки среди редколесья, росшего по берегам небольшой речки, и приступили к своему привычному скорбному труду. Уже были сделаны первые подьёмы и найдены первые медальоны. «Времянка» — место временного хранения останков в пластиковых мешках — неуклонно пополнялась. Командиры отрядов, которым улыбнулась удача, каждый вечер на совете командиров под одобрительные взгляды коллег писали протоколы

эксгумации и охотно делились информацией по перспективным местам.

В общем, всё как обычно. Только нам пока не везло. Земли перелопатили немало, да всё впустую. Ржавые осколки от снарядов, пара РГД-33* да пробитая пулями солдатская каска. Вот и все наши находки.

«Нет, не зря журавли летали, — думал я, присев под кустом и наблюдая за тем, как Игорь Черных, поводя из стороны в сторону рамкой металлодетектора, продирается через хмызник**. Вот, бестолковый, так и прибор можно в этих зарослях сломать».

И только я хотел предупредить Игорька, чтобы работал без фанатизма, как ТМ*** в его руках издал низкий протяжный сигнал, столь милый уху поисковика.

Игорь, тут же поднял левую руку, привлекая внимание сачкующих без дела товарищей. Первым подоспел Андрюха Друг. Подойдя к Игорю, он принялся деловито погружать щуп в указанное место, пытаясь «настучать» предмет, который «назвонил» Черных. После нескольких десятков погружений, так ничего и не обнаружив, он разочарованно сплюнул и пробурчал:

— Мелочь какая-то. Пошли дальше.

Но не на того напал. Упрямый Игорь, неудовлетворённый работой Друга, выразился в том смысле, что самый точный прибор — это лопата,

* Ручная граната Дьяконова. Обр 1933 г. — *Здесь и далее прим. авт.*

** Хворост, хворостняк, кустарник, мелкая поросль, молодёжник. Хмызник и хмызняк, то же; или — лесной сторож.

*** ТМ-808 — металлодетектор глубинный. Эффективен до 4 метров.

и принялся вместе с Саней Ершовым копать участок земли, усеянный проколами щупа. Наконец, лопата скрежетнула по металлу, и на свет божий появился погнутый стабилизатор немецкой 50-миллиметровой мины. Может, тридцатой, а может, уже и триста двадцать шестой за сегодня. Кто их считает.

— А я что говорил, — Андрюха обвёл всех снисходительным взглядом и направился в мою сторону.

— Ничего, — задумчиво грызя травинку, вернулся я к прежним мыслям. — Найдём. Примета не обманула ещё ни разу. В первый вечер по приезде над нами восемь журавлей пролетело. Значит, восемь бойцов поднимем. Это так же верно, как то, что завтра солнце на востоке взойдёт. Нужно просто искать, ну и немного удачи.

— Чего тебе, Друг? Опять шлангуешь? Иди щупи, Игорёк вон опять что-то назвонил.

С Андреем Галушкиным мы дружили, считай, уже лет пятнадцать. И за это время слово Друг превратилось для него в имя собственное, и никто из членов нашего отряда иначе как Друг к нему не обращался. Курт его даже в свой мобильник записал как «Андрей Друг Командира Отряда». Все слова с заглавной буквы. Я сам видел.

И сейчас он стоял передо мною с улыбкой на физиономии и, покачиваясь с пятки на носок, вертел пальцами свой щуп — длинный металлический стержень с перекладной.

— Ну? — не выдержал я, устав смотреть на этого жонглёра. — Сказать что-то имеешь?

— Предложение у меня есть.

— Дельное?

— Друг, ты что такое говоришь? — лицо Андрея приняло уморительно-страдательное выражение. —

У меня все предложения дельные. Вспомни, сколько я пользы отряду принёс.

— Короче, Склифософский, чего ты хочешь? Пайку тебе добавить или в театр сводить?

— Да ну, командир, — заблажил Андрюха. — Какой тут театр? — он развёл руками. — Цирк сплошной. Одни медведи. И не все дрессированные.

А вот это мне уже совсем не нравится. Что же этот хитрюга задумал? Командиром вон называет, а не другом. Ох, неспроста это...

Раздавшаяся трель мобильника отвлекла меня от размышлений. Надюша — высветилось на экране. Жена.

— Так, Друг, помолчи минуту, я отвечу. Привет, Надюнь.

— Здравствуй, любимый! Как у вас там дела? — голос жены, такой желанный и родной, звучал чуть с хрипотцой, искажённый помехами.

— Да нормально, работаем. Пока, правда, безрезультатно.

Как там Нина? Папку ещё не забыла?

— Ну, ничего, всё у вас получится. Ведь ещё десять дней в запасе есть. Так что не вешайте носы, — проговорила жена бодрым голосом, желая нас поддержать, — а дочь наша извелась уже вся. То и дело спрашивает, когда папка из леса вернётся и что он ей на этот раз привезёт. Шишек больше не тащи, и так квартира в беличье гнездо превратилась.

— Ладно. Не болеете вы там?

— Да, слава богу, — нет. Глазки только немного послезились, но всё уже прошло.

— Ну, хорошо. А носы мы не вешаем. Бывало и хуже. Друг вон просто рвётся в бой, прямо излучает из себя уверенность в результате.

— Это хорошо. А ты, друг мой ситный, таблетки пьёшь?